

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

О РАБОТЕ НАД „ЛЕТОПИСЬЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА“

Изучение жизни Пушкина началось сразу же после смерти поэта; тогда же его ближайшие друзья приступили к чтению его рукописей, постепенной публикации еще неизвестных его произведений, созданию первой биографии поэта. Вскоре в самых разнообразных изданиях стали появляться воспоминания о Пушкине, пояснения к отдельным его произведениям, комментарии к упоминающимся в них лицам и событиям и т. д. Спустя двадцать лет после смерти Пушкина созданы были и первые фундаментальные биографии великого русского поэта, написанные П. В. Анненковым и П. И. Бартевым. Между тем количество печатных источников для истории жизни и творчества Пушкина, в том числе и таких, которые имели первоклассное историческое значение, возрастало непрерывно. Достаточно упомянуть здесь хотя бы о публикациях запрещенных стихотворений Пушкина в зарубежных изданиях (Герцена и Огарева), о появлении в печати таких ценнейших источников для его биографии, каковы воспоминания о нем И. И. Пущина или А. П. Керн. Чрезвычайное обилие печатных и архивных материалов о Пушкине, трудности их разработки в связи с многочисленными встречающимися в них противоречиями и неясностями, требующими особых дополнительных разысканий, еще в последней четверти XIX века привели исследователей к мысли о создании такой справочной книги, из которой можно было бы черпать точные, критически отобранные данные о различных событиях жизни и деятельности Пушкина, сопровождаемые столь же точными их датами.

В 80-х годах составлена была первая, еще краткая, но хорошо разработанная для того времени „Хронологическая канва для биографии Пушкина“ Я. К. Грота, выдержавшая три издания.¹

¹ Первоначально напечатана в книге Я. К. Грота: Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887; в следующем году переиздана с дополнениями; третье издание под редакцией К. Я. Грота вышло в свет в 1899 году.

На смену работе Грота пришла книга Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“, вышедшая в свет в Москве в 1903 году. Н. О. Лернер включил в свою книгу указания на даты создания всех произведений поэта, почти полностью отсутствовавшие в „канве“ Грота, и учел все биографические и документальные материалы о Пушкине, появившиеся в печати за предшествующие годы.

В предисловии к книге Лернера (стр. V—VI) издатели писали, сопоставляя ее с указанным трудом Я. Грота: „«Канва» в последнем издании занимает 27¹/₂ страниц по 43 строки в странице, т. е. всего менее 1200 строк. В нашем издании материалами занятых свыше 8¹/₂ печатных листов, 134 страницы, по 44 строки, т. е. более 5800 строк! Под 1818 годом, например, у Грота сделано всего три указания и все без точных чисел месяца; у нас до 20 указаний и из них 13 с точными датами. Под 1819 годом у Грота опять-таки только три указания; у нас их около 30, т. е. в десять раз больше. В общем же издаваемые нами «Труды и Дни» дают приблизительно *впятеро* больше данных, чем «Канва» Грота“.

В 1910 году книга Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“ вышла в свет вторым, исправленным и дополненным изданием (СПб., 577 страниц). Насколько эта книга оставляла позади издание 1903 года, легко представить себе с помощью таких же цифровых сопоставлений: „Труды и дни“ издания 1910 года занимали уже 30 печатных листов вместо 8 листов первого издания. На 20 указаний, относящихся к тому же 1818 году, во втором издании пришлось 55, т. е. почти втрое больше; на 30 указаний, относящихся к 1819 году, автор труда за семь лет работы собрал 60 указаний, т. е. вдвое больше прежнего.

Работа Н. О. Лернера получила широкое признание и распространение. На долгие годы она стала настольной справочной книгой для всех, кто изучал Пушкина с той или другой точки зрения. Однако пушкиноведение развивалось интенсивно. Особенно большие успехи сделало оно в нашу советскую эпоху. Огромное количество архивных материалов, таившихся в государственных хранилищах и в частных руках, ставшее доступным лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, сразу расширило наши представления о жизни Пушкина. Особенно обильными оказались впервые обнаруженные в это время материалы, относящиеся к тайной слежке за Пушкиным агентов царского правительства еще с 1820 года. Через шесть лет следствие над декабристами (девять томов следственных дел о декабристах также опубликованы лишь в последние десятилетия, с 1925 года) показало, какую важную роль в формировании мировоззрения ряда деятелей декабрьского восстания сыграли политические, революционные стихотворения Пушкина.

Книг, статей, публикаций, материалов о Пушкине накапливалось такое огромное количество, что память не могла удерживать их. По разным отраслям пушкиноведения возникали библиографии, количество

которых в свою очередь потребовало даже составления особой библиографии пушкинских библиографий.¹ Из всего сказанного ясно, что в свое время очень полезная книга Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“ к нашему времени уже значительно устарела.

Еще в 1925 году, отмечая, что книга Н. О. Лернера является „настоящим справочником для каждого, работающего над Пушкиным“, Б. В. Томашевский замечал: „К сожалению, книга эта уже устарела и не может служить безупречно-надежным источником сведений. Скорее это — отправной пункт для разысканий, которые необходимо каждый раз проделывать самостоятельно“.²

Изобилие накопленного материала требовало замены ее новой книгой, которая подвела бы итог более чем столетнему изучению жизни и деятельности великого русского поэта и могла бы удовлетворить всем подлинно научным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям в наше время.

1

Именно эту цель и поставил себе Мстислав Александрович Цявловский (1883—1947), автор „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“, первый том которой вышел в свет в 1951 году.³

Приступив в 1939 году к созданию картотеки для своего будущего труда, М. А. Цявловский определил его широкую программу: пересмотреть страницу за страницей все основные исторические и литературные журналы и отдельные издания, в которых были, должны были быть или могли быть напечатаны материалы, являющиеся первоисточниками для биографии Пушкина.

Материал, подлежавший просмотру, регистрации, изучению, был огромен. Достаточно сказать, что в одном лишь первом томе „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“, т. е. в четвертой части труда, одних только первоисточников, на которые приходилось ссылаться неоднократно, иначе говоря, таких, которые заключают в себе особенно много фактов, вошедших в книгу, оказалось более 600 (см. перечень их в „Условных сокращениях“ на стр. 792—825). М. А. Цявловскому сразу стало ясно, что пойти путем Я. К. Грота и Н. О. Лернера, т. е. создавать свою „Летопись“ единолично, — непродуктивно и нецелесообразно: на это потребовались бы десятилетия; даже труд по первоначальному собиранию материала не мог бы им быть закончен. От такого способа составления справочного пособия пришлось сразу же отказаться. В наше время работа подобного типа могла быть осуществлена

¹ Л. М. Добровольский и В. М. Лавров. Библиография пушкинской библиографии. 1846—1950, М. — Л., 1951.

² Б. Томашевский. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925, стр. 72—73.

³ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951 (876 страниц).

лишь специально подобранным коллективом. Подобное же по своей трудоемкости дело — составление „Словаря языка Пушкина“ — было организовано точно так же на коллективных началах.

Работа по осуществлению картотеки „Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина“ велась с организационной помощью Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии Наук СССР небольшой группой из восьми человек, к которой примыкали эпизодически и некоторые другие сотрудники. Работа шла три года (1939—1941). О системе работы по составлению картотеки рассказано в предисловии к первому тому „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“, где названы также имена ее постоянных деятельных участников.

„Задача картотеки, — как ее определял инициатор, главный деятель и руководитель работы, — собрать обширнейший биографический материал, накопившийся за десятилетия в периодических изданиях и в отдельных статьях и заметках. В картотеку введены в кратком пересказе также статьи, заметки и упоминания о поэте и его произведениях, появившиеся при его жизни в печати и имеющиеся в переписке его современников. Коллективом сотрудников, под руководством М. А. Цявловского, еще до войны было написано свыше двадцати тысяч карточек“.¹

Картотека эта, охватывающая всю жизнь Пушкина, составленная из этих карточек (удобочитаемых, как печатная книга), в настоящее время является собственностью Института мировой литературы имени А. М. Горького, где она и хранится, доступна любому исследователю.

При основной картотеке имеются две дополнительные: *контрольная картотека*, в которой зарегистрированы все распечатанные первоисточники — книги и журнальные статьи, и *подсобная картотека итинерариев*² лиц, связанных личными отношениями с Пушкиным.

¹ М. А. Цявловский. Советское пушкиноведение. „Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции“, ч. II, Изд. Академии Наук СССР, 1947, стр. 801.

² Под итинерарием разумеется путь странствований того или иного лица, по возможности полный и точный указатель тех городов, местностей и т. п., где он жил и мимо которых он проезжал, сопровождаемый точными датами. Подобные справочные перечни составлялись иногда в приложении к основному своду фактов и дат, относящихся к биографии того или иного деятеля (см., например, краткий „Итинерарий И. С. Тургенева“, составленный М. К. Клеманом в приложении к его „Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева“, М.-Л., 1934, стр. 366—368). Отметим, впрочем, что подробный и документальный „Итинерарий А. С. Пушкина“ вне его „хронологической канвы“ не составлен еще, хотя в нем и ощущается нужда. Интересной явилась предпринятая П. П. Померанцевым попытка составить „Карту путешествий Пушкина“ (см. „Известия Всесоюзного географического общества“, 1949, т. LXXXI, № 5, стр. 453—458, с приложением карты), однако эта попытка имела особую цель — наглядно определить „географический кругозор великого поэта“. Задав себе целью установить, в частности, „сколько километров наездил Пушкин“, П. П. Померанцев расположил все пройденные им расстояния в хронологическом порядке, затем промерил их на карте со всей возможной точностью и получил интересные итоги: до сылки — 2250 км, с 1820 по 1826 год — 9000 км, путешествие в Арзрум в 1829 году — 5200 км, поездка на восток для сбора материалов о Пуга-

Для выполнения этой последней работы всем участникам бригады были розданы составленные М. А. Цявловским списки ближайших друзей и знакомых Пушкина, за местопребыванием которых составителю карточек надлежало следить при сплошном просмотре огромного количества печатных источников. На карточке отмечались на основании точного документа (письма, дневника и т. д.) даты местопребывания тех или других лиц в определенный период времени.

Картотека итинерариев является важным пособием для датировки и проверки того или иного факта, взятого из каких-либо воспоминаний или иных первоисточников, и не только при изучении Пушкина, но и при изучении всех его современников.

Важное подсобное значение справочника такого рода покажем на следующем примере. Существует рисунок: „Встреча нового года у Одоевского“. Изображенные на рисунке сидящие за столом люди перечислены здесь же рукой В. Ф. Одоевского. Это — Жуковский, Кривцов, Пушкин, Соболевский, И. Киреевский, М. И. Глинка, Любимов.¹ Для того чтобы установить, какой именно новый год встречал Пушкин у Одоевского, нам пришлось обследовать итинерарии всех названных лиц. Оказалось, что длительные выезды из Петербурга Жуковского, М. И. Глинка и С. А. Соболевского исключают ряд лет, к которым можно было бы относить указанный рисунок. Пока приходится остановиться на двух возможных датах: рисунок изображает встречу нового 1835, либо 1836 года.

В этой картотеке зафиксированы итинерарии четырехсот пятидесяти восьми лиц, размещенные на 4667 карточках. Так как итинерарии эти составлялись попутно, то полученные карточки не отражают полностью

чеве — 3300 км. Итого — 19 750 км. „Если к этому мы добавим еще около 20 поездок в Москву, в Болдино, в Боровичи, в Торжок, в Старицу, на Полотняный завод под Калугой и пр., скромно считая в среднем около 750 км на каждую из таких поездок, то это даст еще 15 000 км. Итого 34 750 км! Пусть будет даже 34 000 км. Цифра даже для профессионала-путешественника значительная, почти окружность земного шара, — замечает П. П. Померанцев и прибавляет: — Величайший путешественник всех времен и народов Пржевальский за свои центрально-азиатские странствования совершил около 30 000 км. Разве после этого мы не назовем нашего гениального поэта — путешественником? Он был действительно настоящим и замечательным путешественником“ (стр. 456). Вывод этот, разумеется, имеет свое значение для изучения творчества Пушкина, однако составление „Карты путешествий Пушкина“ не устраняет желательности составления особого итинерария Пушкина для справочных целей. В своих пояснениях к „Карте путешествий Пушкина“ П. П. Померанцев отметил, что в основу этой карты была положена составленная им „сводка основных дат из жизни Пушкина, связанных с его путешествиями, поездками и местопребыванием“, только часть которой, относящаяся к 1833 году, напечатана в приложении к его статье (стр. 457—458). Полагаем, что опубликование всей указанной сводки было бы желательным. Участие в составлении итинерариев специалистов-географов, знатоков карты и географической номенклатуры могло бы значительно повысить качество итинерариев как справочных литературных пособий.

¹ Рисунок со списком имен воспроизведен в „Литературном наследстве“ (кн. 16—18, 1934, стр. 727).

всех дат и географических названий, сохранившихся в литературе, но еще не подобранных и не систематизированных соответствующим образом.

Тем не менее лица, жизнь и деятельность которых тесно соприкасалась с жизнью Пушкина, представлены в этой подсобной картотеке достаточно полно. Так, если Баратынский имеет 49 карточек, Батюшков — 30, А. А. Бестужев — 43, Д. В. Давыдов — 60, Н. М. Языков — 35, а Ф. И. Тютчев — всего 1, то к П. А. Вяземскому относится 371 карточка, к В. А. Жуковскому — 492, к Н. М. Карамзину — 155, к А. И. Тургеневу — 299.

Основная картотека, составлявшаяся для „Летописи“ и получившаяся в результате тщательного просмотра огромного количества первоисточников, состоит из следующих, слитых в хронологической последовательности элементов:

1. Творчество Пушкина.¹

2. Переписка его.²

3. Сведения о наиболее значительных рисунках Пушкина.³

Для I тома „Летописи“ это главным образом портреты; тут оказалось пятьдесят лиц, изображенных поэтом, не считая большого количества его превосходных автопортретов. В иных портретных зарисовках, сделанных Пушкиным, исследователям удалось определить тех или иных исторических деятелей, известных поэту лишь по их изображениям: Данте, Вольтер, Мирабо, Робеспьер, Лувель, К. Занд, Наполеон, Гете; в других мы видим изображения современников поэта: писателей, декабристов, деятелей театра, сослуживцев и других знакомых поэта.⁴

4. Публикации произведений поэта.⁵

¹ Карточки расписаны по Академическому изданию 1937—1949 годов, откуда взяты и датировки.

² Так же.

³ Все сведения о рисунках Пушкина извлечены из подготовленного к печати описания рисунков Пушкина (составленного М. Д. Беляевым и Т. Г. Цявловской-Зенгер). Книга эта будет сопровождать альбом всех рисунков Пушкина (более девяносто листов с рисунками), который явится одним из дополнительных томов к Академическому изданию Пушкина. Изучение рисунков Пушкина стало возможным благодаря двум изданиям книги А. М. Эфроса „Рисунки поэта“ (М., 1930 и 1933); искусствовед-пушкинист вывел графику поэта на подобающее ей место — на широкую дорогу изучения пушкинского наследия; до его трудов знакомство читателя с рисунками Пушкина зависело от случайных публикаций единичных рисунков. Специальных статей, посвященных рисункам Пушкина, до работ Эфроса, было две: Г. П. Георгиевского — „Семь рисунков А. С. Пушкина“ (в „Русском вестнике“, 1899, № 6, стр. 381—399) и И. К. Линдемана — „А. С. Пушкин как художник и рисовальщик“ (М., 1915, 8 стр.).

⁴ Список их см. в указателе рисунков Пушкина на стр. 837—838 „Летописи“.

⁵ Все первые прижизненные публикации и датировки выхода их в свет взяты из книги Н. Синявского и М. Цявловского: Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Издание 2-е, исправленное, М., 1938 (первое издание вышло в Москве в 1914 году, к столе-

5. Печать о Пушкине при его жизни.

Сюда входят критические статьи о нем, стихи, ему посвященные, эпиграммы, направленные против него, цитаты из его стихов в эпиграфах и в текстах беллетристических произведений пушкинской эпохи; упоминания Пушкина прямо или иносказательно в различных статьях; газетные заметки о выходе в свет или продаже печатных произведений Пушкина; сообщения о переводах его произведений на различные языки; упоминания Пушкина среди подписчиков на то или иное издание и т. д.¹

6. Записи о Пушкине в дневниках его современников и в их переписке, поскольку она опубликована, а отчасти и по архивным данным.

7. Показания декабристов о встречах с Пушкиным и о роли его вольнолюбивой поэзии в формировании их политических взглядов.

8. Материалы о слежке за Пушкиным агентов полиции и III Отделения.

9. Данные о путешествиях Пушкина, устанавливаемые на основании различного рода источников.

10. Сведения о встречах Пушкина с теми или иными его знакомыми, устанавливаемые по письмам и воспоминаниям.

тию выхода в свет первого напечатанного произведения Пушкина). В предисловии к „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“ мы уже указывали:

„Повторных публикаций произведений Пушкина автор «Летописи» решил не вводить, считая неуместным излишеством повторять полностью только что вышедшую вторым изданием свою работу «Пушкин в печати. 1814—1837...».

Таким образом, дополнением к «Летописи» по этому вопросу должна служить названная книга, где материал расположен в той же хронологической системе. Только в виде исключения указывались в «Летописи» повторные публикации произведений Пушкина, например в «Собрании новых русских стихотворений» (1824), так как последнее издание вызвало широкие отклики в печати, связанные с именем поэта“ (стр. VII).

Мы полагаем, что решение не вводить в книгу, посвященную летописи жизни и творчества Пушкина, указаний о повторных публикациях текстов поэта было неправильным. Книга Н. Синявского и М. Цявловского вышла (вторым изданием) в 1938 году. Первый же том „Летописи“, картотека которой начата работой в 1939 году, вышел в свет лишь в 1951 году, когда книга „Пушкин в печати“ давно стала библиографической редкостью.

Во II и III томы „Летописи“ мы введем все данные о появлении в печати произведений Пушкина, потому что эти явления литературной жизни поэта ни в какой мере не уступают по своему значению многим другим, включенным в книгу. Пропуски же повторных публикаций в I томе придется поместить в дополнениях к нему, которые безусловно появятся в разных изданиях, прежде всего в связи с опубликованием новых, до сих пор неизвестных архивных материалов о Пушкине.

¹ Вся эта часть материалов (по 1830 год, дальнейшая часть еще не сделана) была расписана по подготовленным к печати М. А. Цявловским (с коллективом сотрудников) двум томам труда „Печать о Пушкине при его жизни“. См. об этом в предисловии к „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“, стр. VIII. В известном сборнике В. Зелинского „Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина“ (вып. I—VII, 1887—1899), вышедшем в нескольких изданиях, помещены лишь критические статьи в собственном смысле слова; внутри года они датировок не имеют. Из поэзии же, включенной в „Печать о Пушкине“, до тех пор были собраны (трудами В. В. Каллаша и И. Н. Розанова) лишь стихи, прямо посвященные Пушкину, но тоже без точной их датировки.

Как пример можно указать на сведения о встречах Пушкина с будущим декабристом М. П. Бестужевым-Рюминым в доме Олениных в 1819 году (стр. 199)¹ — на основании показаний декабриста в 1826 году (стр. 696).

11. Данные о выходе в свет в России и за рубежом переводов произведений Пушкина.

12. Иностранная критика о Пушкине.

2

В чем же состояла работа М. А. Цявловского — при наличии картошки, зарегистрировавшей все разбросанные по бесконечному количеству первоисточников факты жизни Пушкина? Казалось, цель работы заключается в том, чтобы свести воедино все эти события жизни поэта. Допустим, что об одном и том же случае жизни вспоминают пять человек, — следовательно, необходимо все эти пять карточек соединить в одну, на которую требуется переписать ссылки на все пять первоисточников.

Но это — идеальный, сравнительно редкий случай. Как известно, при сличении разных показаний об одном и том же факте редко приходится наблюдать единогласие. Следовало прежде всего проверять правильность свидетельства каждого мемуариста.

Первой обязанностью автора книги было распутывать противоречия, постоянно встречавшиеся на пути исследования жизни Пушкина. Далее необходимо было освободиться от ложных, вымышленных мемуаров и всякого рода явно недостоверных, фантастических воспоминаний о жизни поэта.

Широко известны фальсификации мемуаров А. О. Смирновой, сочиненные ее дочерью, и Л. Н. Павлицева, написанные им якобы со слов матери. Они давно разоблачены и перестали служить первоисточниками для биографов Пушкина, но долгое время они считались основными свидетельствами о его жизни.

Столь же ненадежным является целый ряд „апокрифических воспоминаний“ о Пушкине, в особенно большом количестве засорявших литературу, относящуюся к кишиневскому периоду его жизни. Вся эта сочиненная, псевдомемуарная литература исследователем отсеивалась.

Очень ответственное и важное дело — внесение в „Летопись“ наиболее значительных общественных, политических и литературных событий той эпохи, на фоне которой протекала жизнь поэта и которые волновали его, как и всех лучших его современников. Поэтому, наряду с хроникой личной и литературной жизни поэта, в „Летопись“ вводились указания на события Отечественной войны 1812 года, на такие факты, как заседания литературного общества „Арзамас“, открытие памятника

¹ Здесь и далее ссылки на „Летопись“.

Минину и Пожарскому в Москве, открытие Польского сейма, основные декабристских организаций, принятие в члены этих тайных союзов тех или иных знакомых Пушкина, наиболее ответственные моменты этих революционных обществ, заседания конгрессов Священного союза в Европе и т. д.

В I том „Летописи“ введены сведения об убийстве студентом Карлом Зандом реакционера Коцебу (стр. 178, 179), о восстании военных поселений в Чугуеве (стр. 183) и ужасной расправе с восставшими, учиненной лично Аракчеевым (стр. 187); последние события отразились в эпитаграмме Пушкина „На Аракчеева“ („В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...“); далее в книге отмечались сообщения о вспыхнувшей в Испании революции (стр. 202), вдохновившей Пушкина, по мнению исследователя, на стихи „Мне бой знаком — люблю я звук мечей“ (стр. 205), об убийстве в Париже герцога Беррийского (стр. 204); на портрете Лувеля, убийцы герцога, Пушкин написал: „Урок царям!“ и показывал этот лист в театре, расхаживая по рядам кресел (стр. 210); уже на юге, в год создания „Кинжала“, поэт вспомнил этого представителя „бессмертной Немезиды“ и зарисовал его портрет рядом с друзьями: „роковым избранником“ Карлом Зандом и Маратом (стр. 308).

Читатель встретит в „Летописи“ сведения о крестьянских волнениях в Екатеринославской губернии и в области Войска Донского и о связанных с ними „Замечаниях на черноморских и донских казаков“ Пушкина (стр. 221—222); о событиях революции в Неаполе (стр. 230, 231 и 283); о том конгрессе Священного союза в Троппау, который Пушкин вспомнил в едком двустиих десятой главы „Евгения Онегина“ („Я всех уйму с моим народом, Наш царь в конгрессе говорил“) (стр. 258); о конгрессе Священного союза в Вероне (стр. 360, 365); о событиях греческого восстания 1821 года (стр. 273, 279, 280, 290, 302, 303, 304, 313), волновавших Пушкина, ведшего беседы об этом движении с деятелями восстания — Дмитрием Ипсиланти (стр. 291), Михаилом Суццо (стр. 296, 298) (одна из бесед с Суццо протекала у Пушкина совместно с Пестелем; стр. 298), и в среде рядовых греков (стр. 289), и с чиновником, собиравшим сведения о восстании (стр. 308); поэт писал о греческом освободительном движении в письмах (стр. 283, 296), и в дневнике (стр. 289, 291, 297), и в специальных заметках о восстании (стр. 315, 322).

В книге отмечены смерть Наполеона, смерть Байрона, смерть Карамзина, по-разному взволновавшие Пушкина; упомянут известный приказ по армии будущего декабриста генерала М. Ф. Орлова, написанный им в Кишиневе, в пору тесного общения с Пушкиным; в этом единственном в своем роде документе генерал-декабрист предавал военному суду офицеров за „неистовства“ по отношению к солдатам, другим объявлял строгий выговор „за битье из собственных рук“, низшим же чином объявлял благодарности за прекращение побегов из части (стр. 325). Далее в „Летописи“ можно прочесть и о наказании кнутом четырех солдат в Кишиневе, приведшем к смерти всех этих несчастных; эта

жестокая казнь была осуществлена публично, после отъезда из города декабриста Орлова (стр. 330).

Можно также найти в „Летописи“ фактические справки о казни вождя испанской революции Риго (стр. 413), с которой связана эпиграмма Пушкина на М. С. Воронцова „Сказали раз царю...“ (стр. 471 и 551); известие о смерти Александра I (стр. 652), о принесении присяги Константину (стр. 653), о восстании 14 декабря (стр. 657), об учреждении Тайного комитета для следствия о тайных обществах (стр. 659), о восстании Черныговского полка (стр. 663); приведены сообщения из газет об этих событиях, о казни пяти декабристов; тут же (стр. 714) можно найти и перечень тех декабристов, с которыми Пушкин был знаком лично.

Большое количество показаний декабристов, сохранившихся в следственных делах о них, отражает ту роль, которую „вольные“ стихи Пушкина играли в формировании свободолюбивых настроений первых русских революционеров.

Упоминания Пушкина в следствии над декабристами входят в его биографию (хотя поэт и не мог знать, что его имя является одним из серьезных моментов следствия) так же органично, как и в историю русского освободительного движения.

Отметим впервые появившиеся в русской печати в данной книге подробности о допросе Николаем I Пушкина. Нижеприведенный рассказ заимствован из многотомного труда Поля Лакруа „История жизни и царствования Николая I“.¹ Фактические данные об этом допросе, вероятно, восходят непосредственно к Николаю I, так как среди информаторов Лакруа был один из самых близких к Николаю лиц, в особенности в период следствия над декабристами, Алексей Федорович Орлов, делившийся с Лакруа своими личными воспоминаниями, как этот последний прямо заявляет в предисловии к своей книге.² Таким образом, точность передачи диалога между Николаем I и И. И. Пушковым на допросе декабриста царем не вызывает сомнений: Алексей Орлов был почти непосредственным свидетелем этих допросов.

¹ Paul Lacroix. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, t. II. Paris, 1865, стр. 68—69.

² Перечислив свои источники (печатные и архивные), Лакруа называет в предисловии к своему труду (т. I, 1864, стр. V—XVIII) лиц, которые оказывали ему содействие в работе. Это были П. Д. Киселев (стр. VII), М. А. Корф (стр. IX—XIV), который предоставил французскому историографу царствования Николая I, между прочими материалами, отрывки из своих личных рукописных дневников, „воспроизводящих в некотором роде частную жизнь императора Николая“ (стр. XIV). В руках у Лакруа были также не предназначавшиеся для печати воспоминания современников (стр. XIV—XV); Лакруа разыскивал их повсюду, и они охотно отвечали ему на вопросы, открывая ему, так сказать, „шкатулку своих воспоминаний“. Лакруа записывал эти воспоминания рассказчиков „почти под диктовку“. Но особенно высоко ценил французский историк русского царствования рассказы А. Ф. Орлова и Нессельроде: „Двадцать томов официальных текстов, например, не дали бы мне того, что я черпал из простого разговора князя Орлова или графа Нессельроде“ (стр. XV).

Приведем его в переводе:

„Царь, обманутый сходством фамилий Пушкина и Пушкина, спрашивает его,¹ писал ли он подобное письмо² своему родственнику, поэту Александру Пушкину, либеральные мнения которого известны всей России и дерзость речей и произведений которого заставила водворить его на жительство в его имении в окрестностях Пскова.

„— Я не родственник нашего великого национального поэта, — откровенно ответил Иван Пушкин, — а товарищ его по царскосельскому лицее. Общеизвестно, что Пушкин, автор «Руслана и Людмилы», был всегда противником тайных обществ и заговоров. Не говорил ли он о первых, что они крысоловки, а о последних, что они похожи на те скороспелые плоды, которые выращиваются в теплицах и которые губят дерево, поглощая его соки?“ (стр. 659).³

Эти скептические афоризмы, которые, по словам Пушкина, принадлежат Пушкину, находятся в кричащем противоречии с целым рядом свидетельств по вопросу об отношении Пушкина к тайным революционным организациям и к возможности революции в России.

Мы располагаем такими яркими показаниями, как описанная Якушкиным сцена в Каменке в 1820 году (стр. 269), как записанные Павлом Долгоруковым высказывания Пушкина в Кишиневе в 1822 году (стр. 326, 338, 341, 348—349), как важнейшие непосредственные свидетельства — стихи самого поэта, послание к Чаадаеву 1818 года, с энергично выраженной формулой об „обломках самовластья“, на которых Пушкин с уверенностью предвидит написанным свое имя; или другие стихи того же периода „Мы добрых граждан позабавим“, также прямо говорящие о желательности насильственного переворота, или стихи 1825 года о неминуемой расправе над царем („Заступники кнута и плети“).

Всех этих свидетельств было бы более чем достаточно, чтобы убедиться, что рассудительные сентенции о „крысоловках“ и „скороспелых плодах“ ни в каком контексте не входят в цепь известных нам суждений Пушкина о желательности революции в России. Свидетельств, противоположных приведенным, нам не известно ни одного.

¹ Выше речь шла об Ив. Ив. Пушкине.

² Лакруа сообщал о перехваченном письме Пушкина к его родственнику, „советнику“ С. М. Семенову, с извещением адресата о ближайшем выступлении

³ В подлинном тексте это место в „Истории“ Лакруа читается так: „L'empereur, trompé par l'analogie des noms de Poustchine et de Pouchkine, lui demanda s'il avait écrit une lettre semblable à son parent, le poète Alexandre Pouchkine, dont les opinions libérales étaient connues de toute la Russie, et que la hardiesse de ses discours et de ses ouvrages avait fait interner dans sa terre aux environs de Pskow.

— Je ne suis pas de la famille de notre grand poète national, répondit avec franchise Jean Poustchine, j'ai été seulement son condisciple au lycée de Tzarskoe-Selo. Mais tout le monde sait que Pouchkine, l'auteur de *Rousslan et Lioudmila*, a toujours été opposé aux sociétés secrètes et aux conspirations. N'a-t-il pas dit, des premières, que ce sont des pièges à rats, et, des autres, qu'elles ressemblent à ces fruits hâtifs qu'on fait venir dans les serres et qui font mourir l'arbre en absorbant sa sève?“ (т. II, 1865, стр. 68—69).

Если же прибавить к этому свидетельства двух участников диалога 17 декабря — Николая и, главное, самого Пушкина, то мы увидим, что в данном случае честнейшему Пушкину верить не приходится.

В самом деле, царь рассказывал, что Пушкин заявил ему на аудиенции 8 сентября 1826 года, что, будь он 14 декабря в Петербурге, он был бы с мятежниками на Сенатской площади. А Пушкин в своих точнейших, изумительно рисуящих образ Пушкина мемуарах упоминает о двух разговорах с поэтом, разделенных шестью годами, — у Н. И. Тургенева в 1819 году (см. стр. 180) и в Михайловском, во время последнего с ним свидания Пушкина (см. стр. 553—554), когда поэт жадно и ревниво допытывался у друга признания, что тот состоит членом тайной организации.

Из всего сказанного можно сделать только один вывод: нет сомнения, что ответ Пушкина о Пушкине на допросе у царя был благороднейшей попыткой декабристов защитить любимого друга, великого поэта; для внящей убедительности Пушкин не остановился и перед прямым сочинительством, приписывая Пушкину придуманные им самим афоризмы — выразительные, запоминающиеся, которые должны были свидетельствовать о сознательном и, так сказать, активном нежелании поэта вступить в декабристскую тайную организацию.

Придя именно к такому решению вопроса, М. А. Цявловский заключил отсюда, что ответ Пушкина царю о Пушкине под соответствующей датой разговора должен быть помещен в „Летописи“; тем не менее так называемая „выносная“ заметка, в которой был бы отмечен разговор Пушкина с Пушкиным и приведены скептические сентенции поэта, отсутствует: такого разговора Пушкин не вел никогда.

При разработке биографии исторического лица нередко возникает необходимость точно установить, на какое время приходятся его первые встречи с теми людьми, многолетнее общение с которыми в дальнейшие годы является общеизвестным фактом. Так, для того чтобы понять реальную основу стихов Пушкина, обращенных к Денису Давыдову:

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней —
(„Певец-гусар, ты пел биваки“, 1821)

следует установить, когда именно встречался Пушкин с поэтом, партизаном 1812 года. Удовлетвориться неопределенными сведениями о начале знакомства Пушкина с Давыдовым, до недавнего времени повторявшимися в специальной литературе, трудно.¹

¹ „Начало знакомства его <Д. Давыдова> с Пушкиным относится, вероятно, к 1817—1820 гг.“ (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартечевым, в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского, 1925, стр. 115). Или: „Начало личного знакомства Пушкина с Давыдовым относится если не к петер-

Знакомство и начало общения Пушкина с Денисом Давыдовым в „Летописи“ предположительно отнесено к следующим датам: 1818. Декабрь. 8(?) — 1819. Январь. 10(?) (стр. 166). Основания для такой датировки высказаны в особом примечании, где говорится: „Время пребывания Д. Давыдова в Петербурге определяется письмами А. И. Тургенева к Вяземскому от 18 декабря 1818 г. и 3 января 1819 г. (Остафьевский архив, т. I, стр. 171—172 и 185). Уточняется время его приезда в Петербург публикацией в «Санкт-Петербургских ведомостях», 1818, № 100, от 13 декабря: среди приехавших с 8 по 11 декабря значится приехавший «из Херсони» «начальник штаба 7 пехотного корпуса генерал-майор Давыдов». О встречах с Давыдовым Пушкина свидетельствуют имеющиеся в рукописях Пушкина за это время портреты Давыдова“ (стр. 745—746). К этому можно добавить, что вскоре, в 1819 году, Пушкиным начато стихотворение, вероятно послание к Денису Давыдову, с выразительной характеристикой его (стр. 175):

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт.

„Недавние“ же встречи Пушкина с Давыдовым, отразившиеся в приведенных выше стихах послания 1821 года, относятся ко времени так называемых „контрактов“ (ежегодной зимней ярмарки) в Киеве. Встречи с Д. В. Давыдовым в Киеве в 1821 году отмечены в „Летописи“ под датами: Январь. 30 (?) — Февраль. 12 (?) (стр. 275 и примечание на стр. 757—758).

На основании приведенного примера видно, как упорно добивался М. А. Цявловский установления возможно точных датировок начала знакомства и последующих встреч Пушкина и с видными, и с менее значительными людьми его времени. См., например, данные о знакомстве Пушкина с А. С. Грибоедовым (стр. 124 и 738), К. Ф. Рылевым (стр. 209), А. И. Якубовичем (стр. 124 и 738), П. П. Каверинным (там же), С. И. Муравьевым-Апостолом (стр. 126), М. Ф. Орловым (стр. 124 и 737—738), Ф. Ф. Вигелем (стр. 126 и 739), П. А. Катениным (стр. 134 и 741), В. А. Перовским (стр. 128 и 739), семьей Раевских (стр. 138 и 741) и др.

бургским годам жизни Пушкина (1817—1820), то самое позднее к началу 1821 года в Каменке или в Киеве“ (Т. Зенгер. Давыдов Денис Васильевич — в „Путеводителе по Пушкину“. М.—Л., 1931, стр. 110). Или: „Точных сведений о времени их знакомства мы не имеем; М. А. Цявловский относит его к 1817—1820 годам..., но весьма возможно, что Давыдов встречал Пушкина в 1815 году в Петербурге, куда приезжал в отпуск по возвращении из парижского похода“ (Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Редакция и примечания В. Н. Орлова, „Библиотека поэта“, Л., 1933, стр. 283).

Для последнего утверждения приходится сделать оговорку, что Пушкин в 1815 году в Петербурге не был ни разу, но не лишено вероятности, что он встречался с Давыдовым в Царском селе, куда последний мог заехать для того, чтобы повидать своих прежних товарищей-гусар.

Эти нередко требовавшие значительных усилий, скрупулезные уточнения датировок, взятые сами по себе, вне связи с биографией Пушкина, могут на первый взгляд показаться мелочными, ненужными, крохоборческими. Ученому же, работающему в области исследования биографии и творчества писателя, хорошо известно, как часто возникает острая нужда именно в такого рода точно установленных данных.

Как ни выясненным казалось течение жизни великого поэта в ее основных моментах, однако детальная разработка первоисточников, привлечение материалов, ускользавших от биографов Пушкина или не сопоставлявшихся с другими данными, показала, что многие вопросы приходилось ставить совершенно заново. Даже путешествия Пушкина, представления о которых казались прочными, отстоявшимися, потребовали серьезного пересмотра, тех или иных изменений в датах и т. д. Всё это привело ко многим неожиданным результатам.

Некоторые из этих путешествий традиционно изображались биографами как состоявшиеся вовсе не по тем путям, по каким они были совершены в действительности; другие сведения о путешествиях, строившиеся на шатких основаниях, вызывали сомнения; иные, наконец, оставались вне всякого внимания исследователей. А между тем, путешествия являлись безусловно какими-то вехами в жизни, вокруг которых распределялся круг новых впечатлений, встреч, знакомств, событий в жизни Пушкина, а следовательно, и вытекающие из них отражения в его творчестве. Так, внимание автора „Летописи“ привлекло к себе одно свидетельство, появившееся в печати еще в 1824 году, но оставшееся не замеченным биографами Пушкина. В „Отрывке из путешествия“ В. Кюхельбекера, в письме XVII, от 22 октября/3 ноября 1820 года из Дрездена („Мнемозина“, 1824, ч. II, стр. 63) были напечатаны следующие строки: „В постоялом доме: «Hôtel de Pologne», где мы ныне живем, нашел я еще несколько человек русских: примечательнейший для меня полковник Давыдов, брат поэта: он говорил мне про Пушкина, с которым обедал в Киеве; я был чрезвычайно рад, что мог Давыдова познакомить с поэмой Руслан и Людмила“ („Летопись“, стр. 478). Итак, Пушкин был впервые в Киеве не на контрактах 1821 года, а до 22 октября 1820 года. Это могло быть только во время поездки его из Петербурга в Екатеринослав в мае 1820 года; следовательно, Пушкин ехал в Екатеринослав не прямой дорогой, а кружно — через Киев (стр. 220, 752). Такой вывод подтверждается и неправильно толковавшейся ранее припиской Е. Н. Раевской к ее брату Александру, посланному из Петербурга в Киев, на другой день после отъезда Пушкина на юг: „Мама забыла послать это письмо с Пушкиным“ (стр. 217).¹

¹ Текст выверен по подлиннику (на французском языке), хранящемуся в Рукописном отделе Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (№ 3614).

Так, благодаря пристальному вниманию к свидетельству, долгое время остававшемуся в тени, привычное, не вызывавшее никаких сомнений предствление о первом путешествии Пушкина на юг получилось весьма существенную поправку.

Приведем другой пример. Биографами Пушкина уже давно отвергнута, как неправдоподобная, догадка о поездке поэта из Кишинева в Каменку в 1822 году;¹ эта догадка в свое время принята была Н. О. Лернером, который и отметил указанную поездку поэта в своей книге „Труды и дни Пушкина“ (1910, стр. 82). Приведя голословную догадку П. И. Бартенева (на которую ссылался Н. О. Лернер), что „кажется, что к ноябрю месяцу этого же <т. е. 1822> года следует отнести новую и последнюю поездку его в Чигиринский повет Киевской губернии, в село Каменку, к Давыдовым“, М. А. Цявловский писал: „Это утверждение основано на ошибочном понимании известного рассказа И. Д. Якушкина в его воспоминаниях о поездке с Орловым и Охотниковым в Каменку в ноябре 1820 года. Бартенев неверно датировал эту поездку 1822 годом. Кроме этого неверного осмысления рассказа Якушкина нет никаких ни прямых, ни косвенных указаний на то, что Пушкин в 1822 году ездил специально в Каменку или заезжал туда по дороге“ (стр. 759).

Однако уже после смерти М. А. Цявловского был обнаружен не известный до тех пор документ, который заставил нас пересмотреть этот вопрос. Имеем в виду письмо Александры Ивановны Давыдовой от 4 декабря 1838 года (Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве). Находившаяся при муже — в его сибирской ссылке — жена декабриста Василия Львовича Давыдова писала дочерям: „Мы тоже читали письмо Жуковского о смерти Пушкина; оно сильно взволновало вашего отца, который был хорошо знаком с нашим знаменитым поэтом, бывавшим несколько раз в Каменке и прожившим там однажды целых четыре месяца“ (стр. 764). Пребыванием Пушкина в Каменке в течение четырех месяцев следует, очевидно, считать его поездку туда в ноябре 1820—феврале 1821 года, которая, считая также выезд в Киев и Тульчин, действительно обнимает четыре месяца.

Какие же „несколько“ пребываний в Каменке имели в виду В. Л. Давыдов и его жена? Может быть, приезд 1820—1821 года в воспоминании В. Л. Давыдова раздвоился (Пушкин приезжал в Каменку в ноябре 1820 года из Кишинева и в феврале 1821 года из Киева)? Третий же приезд, в таком случае, может относиться лишь к ноябрю—декабрю 1822 года, к тем единственным месяцам,

¹ Эта предполагаемая поездка Пушкина не упоминается ни М. А. Цявловским в его „Хронологической канве биографии А. С. Пушкина“ — в издании: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VI, Путеводитель по Пушкину, 1931, стр. 9—23, ни Б. В. Томашевским в его биографическом очерке „Пушкин“ — в издании: А. Пушкин. Сочинения, изд. 2-е, Л., 1937, стр. XXV—LXIV.

за все годы пребывания Пушкина на юге, о которых мы не имеем никаких прямых указаний на его местопребывание. Если предположить, что Пушкин ездил в Каменку именно в ноябре—декабре 1822 года, то разрешается целый ряд недоумений: становится понятной датировка Пушкиным стихотворения „Адели“ 1822 годом, — дочь А. Л. Давыдова Пушкин мог встретить в 1822 году лишь в Киеве и в Каменке; естественное объяснение получает также письмо М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому из Киева от 9 ноября 1822 года: „При сем следует также большое письмо от Пушкина, разбраненного тобою. Я не знаю, что он к тебе пишет, но этот молодой человек сделает много чести русской словесности...“ (стр. 364). Очевидно, и Пушкин находился в Киеве (предположение, что Орлов привез письмо Пушкина из Кишинева, не может иметь места, так как Орлов после отъезда оттуда в январе 1822 года был смещен и в Кишинев не возвращался).

Пребыванием Пушкина в Киеве разъясняется и письмо Е. Н. Орловой от 8 декабря 1822 года из Киева к брату А. Н. Раевскому: „Посылаю тебе письмо, кажется, от Пушкина; его принесла г-жа Тихонова... Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончить...“ (стр. 367).

К этому можно добавить еще один аргумент. В письме, датированном 1—10 января 1823 года, Пушкин пишет брату: „Батюшков в Крыму. Орлов с ним видался часто. Кажется мне, он из ума шутит“ (XIII, 54).¹ Если бы Пушкин не общался в Киеве или Каменке с Орловым, едва ли бы мог он написать эти строки: последние слова письма производят впечатление вывода, сделанного Пушкиным не из писем, а из живых рассказов Орлова.

Установление же факта поездки Пушкина в Киев и в Каменку в 1822 году очень существенно. Это путешествие Пушкина бесспорно было особенно важным для формирования его политических взглядов. И в Каменке, и в Киеве Пушкин встречался с виднейшими деятелями декабристского движения и много и откровенно беседовал с ними на важнейшие политические темы.

Мы знаем теперь, по дневнику П. И. Долгорукова именно этого 1822 года, как рвался Пушкин в это время к обсуждению всех зол монархического режима, как убежденно верил он в конечную победу народа. Где мог он найти лучших товарищей для обмена мнениями, как не в Киеве, гнезде декабристов, республиканцев южного общества? (Заметим в скобках, что в 1822 году Пушкин уже был лишен своих двух самых близких единомышленников в Кишиневе: Владимир Раевский за пропаганду свободомыслия среди солдат был арестован, а Михаил Орлов был снят с командования за тот его замечательный приказ по армии, о котором говорилось выше).

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1937—1949.

Однако, наряду с удачными решениями некоторых запутанных вопросов биографии Пушкина, перед исследователем возникали и новые, еще не ставившиеся биографами поэта вопросы, решение которых представлялось и затруднительным и порой, может быть, преждевременным. Так, например, появившееся в печати более сорока лет назад в „Щукинском сборнике“ письмо некоего Филимонова к сестре еще не обращало на себя внимания исследователей жизни Пушкина. А между тем Филимонов писал 15 сентября 1825 года следующие интригующие строки: „Ты пишешь еще, что Пушкин тебя очень занимает, то я скажу на это, что я не только что знаю наизусть все сочинения его, но даже познакомился с ним самим прошлого года, когда он проезжал через Бронницы в Петербург; он знаком с нашим Дороховым и пробыл у нас целый день и доказал, что он так же мил в обществе, как нравится по стихам своим“.¹

Автор „Летописи“, поместив приведенный отрывок из письма под 1825 годом (стр. 638), указал инициалы Филимонова (Н. И.) и сопроводил его текст следующим примечанием: „Напечатанное Щукиным письмо Филимонова ныне хранится в ЦГЛА (в Москве) в составе переписки его с сестрой. Текст письма, включая и дату, вполне исправно напечатан Щукиным. Трудно допустить, что Филимонов всё написанное о Пушкине сочинил. А если он не сочинил, то, следовательно, Пушкин тайно ездил в декабре <1824 года> в Бронницы близ Новгорода. В сообщении Филимонова неверно указание на поездку в Петербург, но, возможно, Пушкин так говорил. От Михайловского до Бронниц через Порхов — 353³/₄ в. Вся поездка могла занять 5—7 суток“ (стр. 781).

Новая, ничем другим не подкрепляемая и кажущаяся мало вероятной поездка Пушкина в Бронницы, разъясненная в примечании, из сугубой осторожности в текст книги, под декабрем 1824 года, автором „Летописи“ не внесена: она еще не может занять ясного места в биографии Пушкина.

3

Вопрос о распространении славы Пушкина за рубежом, о переводах его произведений на европейские языки, о критических статьях, посвященных творчеству поэта на Западе, поставленный в печати почти век назад (в 1859 году) особенно пристально стал разрабатываться в столетний пушкинский юбилей 1937 года, который отмечался во всем мире. В этом отношении сделано еще не очень много (имею в виду работы М. П. Алексеева, Б. В. Казанского, В. И. Нейштадта и др.): остаются не разысканными и не обследованными многие критические статьи о Пушкине, появившиеся в зарубежной прессе при его жизни; даже имеющиеся в нашем распоряжении библиографические перечни и обзоры зарубежной пушкинианы — по отдельным странам

¹ Щукинский сборник, вып. IX, М., 1910, стр. 158

и языкам — имеют еще явные и досадные пропуски. Подобные зарубежные библиографии, впрочем, начинают появляться; особенно приятно отметить здесь, что такие работы интенсивно ведутся в странах народной демократии — в Венгрии, Румынии, Польше. В Кракове в 1950 году вышел вторым изданием ценный библиографический труд Мариана Топоровского „Пушкин в польской критике и переводах“.¹

Как показывают уже собранные материалы, известность Пушкина за рубежом из года в год быстро росла. В одном только I томе „Летописи“ за пять лет (с 1821 по 1826 год) зарегистрировано пятьдесят семь упоминаний о Пушкине в иноязычной печати: статей о нем и заметок, переводов его произведений и т. д. Кроме переводов из Пушкина и статей на различных языках о нем в Петербурге и Варшаве, Вильне, Риге и Або, произведения Пушкина и критику о нем в эти годы можно было видеть в печати Парижа, Львова, Геттингена, Лейпцига, Бреслава, Пешта, Галле. Статьи и заметки о Пушкине печатали в это время на французском, польском, английском, немецком, шведском и сербском языках; в последующие годы — на чешском и итальянском языках.

Крайне интересна и даже знаменательна судьба распространения стихотворения Пушкина „Кинжал“. Это важнейшее революционное стихотворение Пушкина, написанное им в ссылке, приобрело огромную известность, распространяясь подпольным путем в бесчисленных списках в передовых кругах русского общества.²

Декабрист И. Д. Якушкин утверждал, что в то время „не было сколько-нибудь грамотного прапорщика“, который бы не знал всех ненапечатанных сочинений Пушкина наизусть (среди них и „Кинжал“). Один из пяти казненных декабристов, М. П. Бестужев-Рюмин, читал наизусть пушкинский „Кинжал“ своим товарищам, давал им списывать эти стихи, в чем он открыто признавался на допросе следственному

¹ Marian Toporowski. Puszkin w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki, Kraków, 1950; первое издание этой работы опубликовано было в краковском пушкинском сборнике (Puszkin. 1837—1937, т. II. Kraków, 1939, стр. 225—331). Благодаря этой работе на страницах „Летописи“ появились указания на статьи о Пушкине в следующих периодических изданиях: „Gazeta Lwowska“ (стр. 281—282 и 539), „Dziennik Wileński“ (стр. 389, 436—437, 540, 556, 575, 597, 702), „Biblioteka Polska“ (стр. 648). Ко всем ранее собранным данным нам удалось добавить еще несколько заметок о Пушкине, в частности, из „Zeitung für die elegante Welt“ (стр. 534—535) и из следующих, еще не фигурировавших в пушкиниане зарубежных журналов и газет: „Göttingische gelehrte Anzeigen“ (стр. 373, 422), „Journal général de la littérature étrangère“ (стр. 377, 569, 650—651, 684—685, 707), „Abo Underrättelser“ (стр. 666), „Allgemeine Literatur-Zeitung“ (стр. 693 — под двумя датами). К сожалению, некоторые периодические издания, в которых указаны были статьи о Пушкине, отсутствуют в наших крупнейших книгохранилищах и выверить их de visu не удалось.

² О списках „Кинжала“ см.: М. А. Цявловский. Автограф стихотворения Пушкина „Кинжал“. „Голос минувшего“, 1923, № 1, стр. 21—25; Е. Ляцкий. Один из списков пушкинского стихотворения „Кинжал“ — в книге: Slovansky sbornik venovaní... prof. Frantisku Pastrkovi, Praha, 1923, стр. 194—196; Пушкин, т. II, кн. 2, 1949, 648, 1090—1091.

комитету, добавляя, что „рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло“, что „вольнодумческие стихи Пушкина в рукописях распространились по всей армии“ (стр. 688, 696, 697).

Быть напечатанным в александровской и николаевской России „Кинжал“, конечно, не мог. Опубликован он был впервые лишь в 1856 году Герценом в Лондоне; в России это могло произойти лишь спустя еще двадцать лет.

Однако еще в 1827 году стихотворение появилось во французской печати, в прозаическом переводе. Именно в таком виде и без указания авторства Пушкина стихотворение увидело свет в книге французского писателя Ансло „Six mois en Russie“ („Шесть месяцев в России“).¹ Вышедшая в 1827 году в Париже двумя изданиями книга была издана в том же году и в Брюсселе. И, недоступный для печати в России, „Кинжал“ доходил до читателя под заглавием „Le poignard“ (стр. 306—307 французского издания).

К последним словам „Кинжала“ Ансло сделал любопытное примечание: „трибунал (tribunal des francs-juges)² привязывал имя жертвы к оружию мщеника; но здесь кинжал без надписи, он грозит всем тиранам, каковы бы они ни были!“. Существует мнение, что Карл Занд был членом тайной организации, восходившей по своим традициям к этому средневековому суду. Во всяком случае, обычай прикреплять надписи к кинжалу еще был жив во время убийства Коцебу Карлом Зандом.

Спустя месяц после сообщения в русской печати об убийстве Коцебу Пушкин мог прочесть напечатанную в „Сыне отечества“ следующую заметку: „Из Праги пишут, что туда прибыли многие студенты из других университетов. Они хотели ехать в Вену, но, не получив паспортов, решились остаться в Праге, где взяли с них обязательство в повиновении законам и постановлениям университета и полиции. Чрез несколько времени приметили, что они ходят с черными тростями, носят под жилетами черные ленточки, что в их тростях находятся кинжалы с разными подозрительными надписями. Собrania их были весьма шумны“.³

Теперь становится понятным последний стих пушкинского стихотворения:

И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Кинжал без надписи — это оружие, приготовленное не против определенного, обозначенного надписью лица, а против любого тирана (как полагал Ансло) или, может быть, против основной „преступной силы“ —

¹ Подробнее об этой книге и реакции Пушкина на нее см. в статье М. П. Алексеева „Пушкин на Западе“ (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 112—113).

² Средневековый тайный суд, подвизавшийся в Германии.

³ „Сын отечества“, 1819, № 21, 24 мая, стр. 91—92.

монарха, имя которого нет нужды обозначать. Такое толкование последнего стиха „Кинжала“, если не ошибаюсь, в пушкинской литературе еще не появлялось.

То обстоятельство, что все фактические данные для биографии Пушкина введены в „Летопись“ на основании критически проверенных первоисточников и всегда после проверки *de visu* любого печатного издания, на которое делается ссылка, не раз давало в руки исследователя новые, ценные и зачастую не замеченные прежними исследователями сведения. Получены они были также в результате просмотра прижизненных переводов произведений Пушкина на различные языки. Сошлемся еще на один пример. С 1860 года в пушкиниане известен тот факт, что еще в 1825 году в городе Або был издан „Кавказский пленник“ Пушкина в переводе на шведский язык под заглавием „Minne af Kaukasien“ (т. е. „Воспоминания о Кавказе“). Непосредственное знакомство с этой книгой, экземпляр которой имеется в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр: 13. VIII. 2. 974), позволило установить, что тексту перевода поэмы Пушкина (в стихах) здесь предпослано стихотворное посвящение анонимного переводчика: „А. Пушкину“ („Till A. Puschkin“) и что в конце книги имеется также послесловие (стр. 666); имя переводчика „Кавказского пленника“ вскрыто было в финской печати еще в 1882 году (стр. 786), а затем и в специальной статье А. Иенсена „Пушкин в шведской литературе“:¹ это был Фредрик Аугуст фон Платен (1790—1868), до 1821 года служивший в комитете по финским делам в Петербурге и несомненно знавший русский язык. Послесловие также заключает в себе несколько интересных сведений и критических замечаний о поэзии Пушкина. Так, здесь сообщается, например, что в газете, выходившей на шведском языке в городе Або, „Åbo Underrättelser“ („Абоские известия“), в номере от 5/17 января 1824 года была помещена статья о русской литературе, в которой речь шла также о Пушкине.

Дальнейшие разыскания в иностранных книгах, журналах и газетах, несомненно, позволят установить еще целый ряд статей, заметок о Пушкине, упоминаний его имени, опытов переводов его произведений и т. д., появившихся до 1837 года.

¹ Alfred Jensen. Puschkin in der schwedischen Literatur. „Jagis-Festschrift. Zbornik u slavu Vastoslava Jagića“, Berlin, 1908, стр. 71—80. — „Посвящение“ шведского перевода „Кавказского пленника“ Пушкину не заключает в себе каких-либо интересных фактических данных; достойно внимания, однако, то, как высоко ценит переводчик поэзию Пушкина. В несколько высокопарных выражениях он признается, что „нельзя передать эти звуки, перворожденные голосом поэта“ („Ej dessa toner återgifvas, de förstfödde af skaldens röst“), но просит все же позволения передать их на своем языке. „Подобно жемчугам небес, сверкающим в блеске утра на лугах, сияют твои мысли“, признается он далее:

Likt himlens pärlor som sig måla
på ängens duk i morgonglans,
så äfven dina tankar stråla. . .

Книга, столь насыщенная фактами, собранными с такой полнотой и так точно датированными, как „Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина“, безусловно может служить источником для ряда исследований на различные темы о поэте. Нет необходимости перечислять здесь все те возможности, которые она открывает как биографам Пушкина, так и исследователям его творчества. Ограничимся здесь лишь одним примером, представляющим значительный интерес.

В „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“ впервые собраны сведения обо всех утраченных произведениях поэта. Вопрос о не дошедших до нас произведениях и рукописях Пушкина не только не изучен, но и не был еще предметом специального внимания. Мы считаем необходимым прежде всего составить список этих утраченных произведений Пушкина, выявившихся благодаря появлению „Летописи“, в надежде на то, что этот список привлечет к себе внимание архивных работников и что они предпримут поиски недостающих произведений великого поэта.

Не будем говорить о творчестве раннего детства Пушкина: стихах, баснях, эпиграммах, импровизированных комедиях, от которых уцелело лишь название одной из них — „L'Escamoteur“ (стр. 11, 14, 15): эти произведения детской музы Пушкина едва ли были даже записаны. Оставим в стороне и иронико-комическую поэму „песня в шести, под названием «Tolyade», которой героем был карла царя-тунейдда Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карликами“; уязвленный насмешками гувернера, десятилетний автор сжег свое первое большое произведение (стр. 16).

Назовем прежде всего не дошедшие до нас лицейские произведения Пушкина. Таковы: написанная им в 1812 году „рыцарская баллада“, которую юный поэт сочинил, состязаясь с Илличевским, в подражание балладам Жуковского (стр. 31); восхитившие всех два четверостишия на заданную профессором Н. Ф. Кошанским тему — описания розы (стр. 33). Далее следуют: комедия, написанная Пушкиным совместно с его товарищем М. Л. Яковлевым, под названием „Так водится в свете“, предназначавшаяся для лицейского спектакля (стр. 48—49), роман в прозе „Цыган“ (стр. 49). Об этих ранних лицейских произведениях Пушкина его товарищи вспоминали много позднее. Едва ли остается какая-либо надежда разыскать их спустя столетие после опубликования этих воспоминаний. Но может случиться, что в каких-нибудь лежащих под спудом, может быть, даже находящихся еще в частных руках архивах потомков лицейских товарищей или учителей Пушкина найдутся забытые рукописи — первые проблески еще детского творчества Пушкина.

Иначе, думается, обстоит дело с произведениями, которые сам поэт в юности числил среди своих лучших творений. Первое послание Жуков-

скому (1815) и стихотворения „Ринальдо“ и „Бонапарте“ предназначались Пушкиным для печати и внесены им в конце 1816 года в план первого проектировавшегося поэтом сборника его стихотворений (стр. 70 и 106). От стихотворений „Ринальдо“ и „Бонапарте“ до нас дошли только заглавия. Однако о послании Пушкина к Жуковскому мы в настоящее время имеем некоторое представление, благодаря опубликованному в 1949 году отрывку из письма Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 года. Письмо это рассказывает о первом знакомстве Жуковского „с нашим молодым чудотворцем Пушкиным“. Называя его „надеждой нашей словесности“, „будущим гигантом, который всех нас перерастет“, Жуковский сообщает Вяземскому: „Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение“. Тут же Жуковский обещает прислать эти стихи Вяземскому (стр. 81). Речь, таким образом, идет о „лучшем произведении“ Пушкина, написанном к концу 1815 года, по мнению взыскательного художника, чуткого поэта Жуковского! Иными словами, о стихотворении, затмевающим уже напечатанные, прославившие Пушкина „Воспоминания в Царском селе“ и „К Лицинию“. Возможность утраты текста этого стихотворения представляется почти невероятной. Послание Пушкина к Жуковскому могло сохраниться прежде всего в архиве самого Жуковского: важнейшая его часть хранится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, куда она поступила еще в 1884 году;¹ часть его — из парижского собрания А. Ф. Онегина — находится в настоящее время в Институте русской литературы Академии Наук СССР;² другая часть находится в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве,³ а также в Центральном Государственном литературном архиве;⁴ могло сохраниться послание Пушкина в архиве кого-либо из друзей Жуковского: братьев Тургеневых и Д. В. Дашкова, — принимавшего участие в составлении не вышедшего в свет сборника „Аониды“, которому Жуковский рекомендовал Пушкина, еще лицеиста (стр. 113), как возможного участника этого издания, — и Батюшкова, и В. Л. Пушкина, и Блудова, и любого из араамасцев, и Карамзина, а также во многих других архивах.

¹ И. А. Бычков. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 году, СПб., 1887. (Это описание в настоящее время не вполне отвечает требованиям, предъявляемым к научным описаниям подобного рода; кроме того, в нем не учтены бумаги Жуковского, хранящиеся в ряде других архивов той же библиотеки).

² См.: Бюллетени Рукописного отдела Института литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, вып. I, Л., 1947, стр. 21.

³ Е. Н. Кошнякова. Обзор материалов В. А. Жуковского. — В книге: Записки Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки имени В. И. Ленина, вып. 14, М., 1952, стр. 35—48.

⁴ Центральный Государственный литературный архив. Путеводитель. М., 1951, стр. 110—111.

В огромном архиве П. А. Вяземского, сохранившемся очень полно (в Центральном Государственном литературном архиве в Москве) и обследованном до конца, послание Пушкина найдено не было (нами просмотрены также все папки стихотворений неизвестных авторов в этом архиве). Первое послание Пушкина к Жуковскому (1815) надо искать, и оно должно быть найдено.

О начале работы над комедией в стихах, в пяти действиях, под заглавием „Философ“ Пушкин сам сделал запись в своем дневнике 1815 года. Об этой комедии лицеист А. Д. Иличевский сообщал в письме к своему приятелю от 16 января 1816 года, что Пушкин уже написал первое действие, „обещающее нечто хорошее — стихи и говорить нечего, а острых слов — сколько хочешь“ (стр. 87, 91); однако из задуманных пяти действий комедии было написано лишь два, и вскоре охладевший к своему творению автор уничтожил рукопись.

Известно, что приблизительно в то же время Пушкин начал писать роман или восточную сказку „Фатам, или Разум человеческий“ (стр. 86 и 87). До недавнего времени мы знали немного об этом замысле Пушкина — на основании воспоминаний, удержавшихся в памяти его лицейских друзей.¹ Однако прошло почти сто лет после выхода в свет труда Анненкова с изложением „Фатама“, и в фондах Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома) обнаружено было четверостишие из этого юношеского философского романа Пушкина в записи одного из его лицейских друзей, позволившее исследователю сделать вывод, что роман был написан прозой, с вставными в него стихотворными текстами.²

Следовательно, находки каких-либо следов лицейских произведений Пушкина, списков с них и т. д. всё еще возможны и в наше время.

Точно так же благодаря ведущемуся у нас систематическому изучению архивных материалов проясняется глухое известие об одной лицейской басне Пушкина, также не дошедшей до нас. Поводом к ее сочинению будто бы послужили частые перемены в управлении Лицеем после смерти в 1814 году его первого директора В. Ф. Малиновского.

Свое ироническое отношение к высшему лицейскому началству, допустившему длительное „безначалие“ (по позднейшему выражению Пушкина), шестнадцатилетний вольнодумец выразил в сатирическом антиклерикальном произведении. Он написал басню „о мужике, заставившем попа служить несколько панихид по отце, душа которого сперва была спокойна, но от излишнего усердия пошла по рукам всех

¹ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Сочинения Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I, 1855, стр. 24; В. Гаевский. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. „Современник“, 1863, т. 97, № 7, стр. 158.

² См. публикацию Б. В. Томашевского: Лицейское четверостишие. „Литературный архив“. Под редакцией М. П. Алексеева, т. 3, М.—Л., 1951, стр. 11—12. — Сборник вышел после „Летописи“, так что эта находка в книге не могла быть отмечена.

чертей“ (стр. 90).¹ Не исключена возможность, что и этот плод еще незрелой музы Пушкина будет обнаружен в каком-либо из вышеуказанных архивов.

Годы 1817—1820, когда Пушкин создал ряд политических стихотворений, особенно зияют лакунами. В этом не может быть случайности. Мы недосчитываемся, например, ноэлей Пушкина. О двух-трех ноэлях Пушкина писал А. Г. Родзянко (стр. 382), сам поэт вспоминал о них в десятой главе „Евгения Онегина“: „Читал свои ноэли Пушкин“, — говорит он, изображая встречи членов Союза благоденствия, которых он посещал (стр. 169). О тех же чтениях вспоминает декабрист И. Н. Горсткий: „...я был раза два-три у князя Ильи Долгорукова, который был кажется один из главных в то время; у него Пушкин читывал свои стихи. Все восхищались остротой...“.² Стихи Пушкина, восхищавшие своей остротой, были, конечно, политическими эпиграммами и ноэлями, которые читал Пушкин „у осторожного Ильи“, т. е. у князя Ильи Долгорукова.

Между тем из ряда этих известных в то время разящих сатир поэта мы знаем лишь одну — знаменитый ноэль 1818 года „Ура! в Россию скачет“, метко высмеивающий „кочующего деспота“ Александра I с его „обещанием“ конституции в Польше. Известно, что этот ноэль распевался „чуть не на улице“ (по свидетельству декабриста И. Д. Якушкина) и распространялся в многочисленных рукописных копиях.

Когда же были написаны Пушкиными другие ноэли? Трудно допустить, чтобы Пушкин не написал ноэля, т. е. сатиры в форме рождественской песенки, в том самом декабре 1817 года, когда он в оде „Вольность“ декларативно отказывался от „изнеженной лиры“ и призывал „грозу царей, Свсбоды гордую певицу“. В „Летописи“, действительно, указан не отмечавшийся прежде ноэль 1817 года, текст которого, впрочем, донныне остается неизвестным (стр. 145). Ноэль 1817 года был первым политическим ноэлем Пушкина; ноэль 1816 года — на лейб-гусарский полк („В конюшнях Левашова“), от которого до нас дошли лишь фрагменты, — был еще ограничен узкими интересами кружка офицеров и, конечно, был еще достаточно невинен в общественно-политическом смысле (стр. 106).

Бесспорно, конечно, что Пушкиным был написан также ноэль и

¹ Первое сведение об этой басне сообщил В. Гаевский в такой форме: „По поводу этих беспрестанных перемен, Пушкин написал басню о душе, которая, вследствие излишнего усердия заботившихся о ней, пошла по рукам всех чертей...“ (Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. „Современник“, 1863, № 7, стр. 152). Многозначие в печатном тексте бесспорно обозначает цензурную купюру.

Исправлением приведенного выше текста мы обязаны В. Д. Бонч-Бруевичу, приобретшему в свое время для Центрального Государственного литературного музея черновую рукопись статьи Гаевского.

² М. В. Не ч к и н а. Новое о Пушкине и декабристах. „Литературное наследство“, кн. 58, 1952, стр. 159.

к рождеству 1819 года. Существование его, подтверждаемое, повидимому, документально, также отмечено в „Летописи“ (стр. 198). Едва ли не этот не дошедший до нас нозль имел в виду в своем дневнике К. С. Сербинович: „о... Пушкине — стихах — песнь младенца“ (стр. 260).¹

Не забудем, что Пушкин и сам высоко ценил какой-то из своих нозлей (было бы интересно дознаться, который именно): желая убедить брата, что послание к Овидию выше всех дотоле лучших его произведений, Пушкин писал Льву Сергеевичу 30 января 1823 года: „Каковы стихи к Овидию? душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и всё дрянь в сравнении с ними“ (XIII, 56). Следовательно, нозль, хотя теперь и превзойденный, ценился поэтом наряду с „Русланом и Людмилой“ и с „Кавказским пленником“.

Любопытно, что Пушкин вспомнил некогда любимый им жанр нозлей в михайловской ссылке (о том, что нозли он писал в южной ссылке, до нас никаких известий не дошло). В декабре 1824 года Пушкин сочинил новую „святочную песенку“ (стр. 541). Этот нозль, несомненно, метил прямо в царя и должен был быть убийственным. Только так можно объяснить тревогу поэта за судьбу этого посланного им в Петербург с оказией стихотворения: „ничуть не забавно мне попасть в крепость *pour des chansons* <за песенки>“, — писал он брату (XIII, 130). Можно себе представить, как мастерски Пушкин воспользовался и на этот раз традиционной для сатир песенной формой и сколь злободневно было его утраченное для нас произведение.

Перечисляя не дошедшие до нас произведения Пушкина, мы не должны также забывать о его речи к арзамасцам: „Венец желаниям! Итак я вижу вас...“ (стр. 136), сохраненной в памяти слушателей лишь во фрагменте; об экспромте на отъезд Батюшкова в Италию, который, по лаконичному замечанию А. Тургенева, „послать нельзя“ (стр. 165); о стансах на Стурдзу „монархического“, которых Тургенев также не собирался посылать по почте на том основании, что „стены могут иметь глаза и даже уши!“² (стр. 189, 192—194, 749), — мы знаем лишь один куплет этих стансов; о написанном в те же дни послании к павловским фрейлинам о Жуковском (стр. 189); о послании Пушкина к друзьям, от которого сохранилось лишь два стиха („Что-то грезит Баратынский, Что-то думает Плетнев?“); о куплетах на одесских дам („Мадам Ризнич с римским носом...“).

¹ В. С. Нечаева в своей публикации „Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича“ („Литературное наследство“, т. 58, 1952, стр. 250) высказала иное предположение: „... «песнь младенца» не должна ли быть раскрыта как запись о «Сказках» (Noël, 1818) Пушкина?“. Однако песни младенца в „Сказках“ нет.

² М. А. Цявловский разъясняет, что указанные слова связаны именно с этим стихотворением, а не с „Вольностью“, как ошибочно комментировал их В. И. Сайтов (стр. 749).

Но самой заманчивой, интересной и важной находкой была бы, конечно, тетрадь (целая тетрадь!) противоположительственных стихов Пушкина, собственноручно записанных поэтом у петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича. Пушкин записал в эту тетрадь и приписываемые ему стихи, обозначив, какие из них ему не принадлежат (стр. 211—212).¹

Одно из произведений Пушкина, известное нам только по названию, представляло бы значительный интерес для исследователей его творчества. Мы узнаем о нем из письма Пушкина к брату от 24 сентября 1820 года. Описывая свое путешествие по югу, поэт писал: „Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова“ (XIII, 18). Можно предположить, что „Замечания“ возникли в связи с крестьянскими волнениями в Екатеринославской губернии и на Дону, о которых Пушкин не мог не слышать, проезжая по этим местам (стр. 221—222). Эти „Замечания“, повидимому, были написаны, но в бумагах поэта они не сохранились. Не уничтожил ли он их?

Иное дело — записи Пушкиным молдавских преданий „Дука, молдавское предание XVII века“ и „Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года“ (стр. 309). Пушкин работал над ними длительно, усердно, считая их, по словам Липранди, своим первым опытом в прозе (стр. 399, 420). С них была снята копия, оставшаяся у Липранди; Бартенев имел ее в руках в 60-х годах. Только случайностью можно было бы объяснить ее исчезновение. Часть архива Липранди хранится в Ленинской библиотеке в Москве, часть находится в Историческом музее. Но ни здесь, ни там молдавских преданий в записи Пушкина или в копиях не обнаружено.² Их нужно продолжать искать! Бумаги Липранди могут быть рассеяны и по другим архивохранилищам.

¹ Тетрадь эту искал в свое время П. Е. Щеголев в архивных фондах Зимнего дворца в Ленинграде, искал ее М. А. Цявловский в фондах II Отделения в Архиве древних актов (в Москве). Искала тетрадь и я — среди части бумаг Милорадовича, именно за 1820 год, оказавшихся в фонде его адъютанта Муханова (в Отделе письменных источников в Историческом музее в Москве). Эти поиски не привели пока ни к каким результатам. Но на этом успокаиваться нельзя. Розыски надо продолжать.

² Более двадцати лет назад покойный Н. О. Лернер поднимал в печати вопрос о розысках находившихся у И. П. Липранди копий молдавских преданий, записанных Пушкиным. „Где теперь эти копии? — писал он. — Надо прежде всего обратиться к бумагам И. П. Липранди. М. И. Семевский («Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 году». — «Русская старина», 1889, апрель, 231), рассказывая о посещении Румянцевского музея, сообщает: «При беглом просмотре новейших приобретений музея по части рукописей, мы заметили: „Записки Ив. Петр. Липранди (№ 2584)“». В Румянцевском музее, по имеющимся у нас сведениям, нет этих ранних прозаических опытов Пушкина, относящихся к 1823 году. Во всяком случае их следует искать, и для этого нелегитимно обрыскавать все известные хранилища, — может быть поиски окажутся небесплодными. Имея в виду возможность такой дорогой находки, стоит потрудиться“ (Н. Лернер. По следам Пушкина. Где две повести Пушкина? Где письма Н. Н. Пушкиной к Пушкину?)

Но, конечно, больше всего потеряно пушкинских эпиграмм. Напомним хотя бы об одной из них, направленной против чиновника канцелярии Воронцова, Н. А. Артемьева, „с убийственными и верными выражениями“, по словам Липранди (стр. 437).

Особенно важным является, однако, признание самого Пушкина, который писал П. А. Вяземскому, посылая ему несколько эпиграмм: „у меня их пропасть, избираю невиннейших“ (XIII, 245). Эти слова написаны за несколько дней до получения известия о смерти Александра I; вспомним, что поэт, по собственному признанию, „подсвистывал ему до самого гроба“ (XIII, 258); напрашивается вывод, что среди множества далеко не невинных эпиграмм, из которых большинство, вероятно, написано было в 1825 году (все выбранные из них „невиннейшие“ эпиграммы написаны были именно в этом году), какая-то и, вероятно, немалая часть была направлена против Александра I. Надежда на то, что эти эпиграммы сохранились, была бы напрасной: вероятнее всего, Пушкин уничтожил их, менее чем через месяц после цитированного письма, под впечатлением поражения восстания декабристов.

Дважды говорит Пушкин об уничтожении им (в те же дни) автобиографических записок (стр. 660). В письме к П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 года он пишет: „Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя“ (XIII, 291). Эти слова являются ответом на письмо Вяземского, в котором последний писал Пушкину: „Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно Карамзина. Жду их с нетерпением“ (XIII, 289). Ясно, что это те самые страницы, которые хранятся среди автографов Пушкина и под заглавием „Из автобиографических записок“ (начало: „<...> линии печатью вольномыслия“) печатаются в собраниях сочинений Пушкина (XII, 305—307). В 30-х годах, приступая к автобиографии, Пушкин вновь говорил об уничтожении своих „Записок“:

„Несколько раз принимался я за ежедневные записки, и всегда отступался из лени; в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записи. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая театральная(?) торжественность их окружает и,

„Стройка“, 1930, № 7, 5 мая, стр. 14). Предпринятые под руководством М. А. Цявловского поиски утраченных рукописей в фондах рукописного отделения Государственной Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве не увенчались успехом. Фонд Липранди, находящийся в Отделе письменных источников Исторического музея, просмотрел покойный Л. Б. Модзалевский, обнаруживший там рукопись записок Липранди о Пушкине, напечатанных Бартеневым в „Русском архиве“ в 1866 году (ныне она хранится в Пушкинском Доме). Но молдавских преданий не было и там. Опыт раскрытия содержания этих преданий см. в данной книге в статьях Б. В. Томашевского и Г. Ф. Богача (стр. 193—202, 213—240).

вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей“ (XII, 310). Пушкин, несомненно, прозрачно намекает на то, что „Записки“ его были посвящены декабристам.

Потеря, действительно, невознаграждаемая. Однако нельзя не обратить внимания на то, что еще через год эти записки, если не в полном своем составе, то в какой-то части были целы. В черновом тексте записки „О народном воспитании“, которую Пушкин писал в декабре 1826 года, он три раза ссылается на „Записки“, отрывки из которых он хотел внести в свою заказную статью: „Любопытно видеть etc — из записок 2 гл. <?>“ (XI, 311); „Александр (из записок)“ (XI, 313); „Патриархальное вос<питание> из записок“ (XI, 314). В белом тексте есть абзац о патриархальном воспитании, значит, записки бесспорно были целы в конце 1826 года. Но исследователям поэта они не известны. И из современников Пушкина никто никогда не писал о них.

Иначе обстоит дело со стихотворением Пушкина „Прощание“ или „Прощание с жизнью“. Перед нами непостижимый случай исчезновения широко известного в свое время и горячо принятого современниками стихотворения Пушкина. Полная утрата его столь же неправдоподобна, как потеря первого послания Жуковскому (см. выше). Приведем известные нам свидетельства об этом тексте.

19 мая 1823 года происходило в Петербурге последнее подготовительное собрание перед публичным заседанием Вольного общества любителей российской словесности. В список намеченного к публичному прочтению 22 мая внесено было четыре новых произведения, среди них и „Прощание“. Сочинение А. С. Пушкина (в стихах)“. Прочсть его поручено было А. А. Бестужеву¹ (стр. 383). 22 мая А. И. Тургенев писал из Петербурга в Москву П. А. Вяземскому: „Пошлю отрывок Пушкина сегодня, если возвратит Греч, коему отдал для прочтения сегодня в собрании“ (стр. 383). Значит, текст „Прощания“ Пушкина находился в руках Тургенева и должен был быть послан Вяземскому.

22 мая в зале дома Державиной в Петербурге происходило публичное заседание Вольного общества любителей российской словесности, на котором А. А. Бестужев читал „маленькую пиеску“ Пушкина „Прощание с жизнью“. Присутствовало более пятидесяти человек, в том числе выступавшие на заседании Греч, Булгарин, Туманский, Корнилович, Федоров, Измайлов, Лобанов.

Правдоподобно ли было бы предположить, что стихотворение Пушкина не осталось ни в чьих бумагах или что оно даже не было записано, хотя бы не полностью? На другой день после заседания Бестужев сообщил Вяземскому о своем чтении в Обществе и прямо указал на художественные достоинства читанного им произведения: „Пушкин — везде Пушкин“, — замечает он в этом письме (стр. 384). Еще через два

¹ В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петровзаводск, 1949, стр. 267.

дня А. И. Тургенев послал Вяземскому „две крайности: Пушкина и Хвостова“ (стр. 384); несомненно, конечно, что он послал именно „Прощание с жизнью“; 31 мая Вяземский отвечает Тургеневу: „В «Прощании» Пушкина много чувства и предаяния. Отгадай, что я хотел сказать?“ (стр. 385).¹

Чтение этого стихотворения Пушкина вызвало и ряд печатных откликов. 29 мая в петербургской газете „Le Conservateur Imparrial“ в заметке о заседании Общества, состоявшемся 22 мая, было названо и прочитанное там стихотворение Пушкина — „Les Adieux“ (стр. 384); то же отмечалось и в журналах „Соревнователь просвещения и благотворения“, „Сын отечества“, „Северный архив“ (стр. 386); упомянул об этом и „Dziennik Wileński“, назвавший стихи „Pożegnanie» A. S. Puszkina“ (стр. 389). Сообщение „Северного архива“ сопровождалось краткой характеристикой „Прощания“, „исполненного ума и чувства“ (стр. 386).

Имея в виду все перечисленные факты, необходимо, думается нам, признать, что стихи ссыльного Пушкина, присланные в Петербург, читанные в людном заседании, переписывавшиеся и пересылавшиеся в Москву, получившие высокую оценку у друзей поэта и неоднократно названные в то время в печати, не могли исчезнуть бесследно. Отметим, кстати, что если они читались публично, то, следовательно, они не вызывали никаких сомнений и в цензурном отношении.

Исходя из предложенного выше истолкования слова „предаяние“ („резиньяция“), естественно было бы считать, что исчезнувшее стихотворение Пушкина имело форму элегии. Не следует ли в таком случае отождествить его со стихотворением „Я пережил свои желанья“? Хотя последнее и не имеет заглавия „Прощание“, однако оно по своему идейному содержанию и внешним признакам подходит полностью к тем данным, которые дошли до нас о стихотворении, так названном. Написанная в 1821 году элегия „Я пережил свои желанья“ была напечатана в конце 1823 года, т. е. именно в том году, когда еще весной разыскиваемые нами стихи читались в „Обществе любителей российской словесности“.

Не оставляя настойчивого обращения к архивным работникам — искать исчезнувшее „Прощание“ Пушкина, догадку об элегии 1821 года предлагаем только как временную рабочую гипотезу.²

¹ Не следует ли в слове „предаяние“ видеть попытку Вяземского перевести на русский язык французское понятие „résignation“ (гипотеза Н. В. Измайлова)? В словарях „résignation“ переводится: „предание себя на волю божию; покорность провидению; безропотность, благотерпеливость“ (Н. П. Макаров. Полный французско-русский словарь. Изд. 12-е, 1906); „покорность судьбе, безропотность, резиньяция“ (К. А. Ганшина. Французско-русский словарь. 1946). Эти переводы хорошо передают слово „résignation“, которое в „Dictionnaire de l'Académie française“ толкуется так: „Soumission à la Providence. Soumission à son sort, à son malheur“ (цитирую по: Abrégé du Dictionnaire de l'Académie française, d'après la dernière édition de 1878, Paris, 1883, стр. 830).

² Считаю нужным добавить к этому, что М. А. Цявловский учитывал и собирая

Список утраченных произведений Пушкина, выявившихся благодаря I тому „Летописи“, заканчивается „тремя стихотворениями противоправительственного содержания — о казненных декабристах“, под общим названием „Пророк“.¹ Предание донесло до нас лишь одно четверостишие из какого-то стихотворения этого цикла, но в безусловно искаженном виде: „Восстань, восстань, пророк России“ (стр. 718).²

Надеемся на то, что эти тексты не погибли безвозвратно, что случайная архивная находка воскресит эти столь важные в историческом отношении стихотворения, трудно. Вероятнее всего, что они были уничтожены самим Пушкиным.

Таким образом, I том „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“ позволил установить довольно большое количество утерянных к настоящему времени произведений поэта, созданных в период его творческой деятельности, продолжавшийся вплоть до возвращения его из ссылки. Не принимая во внимание его ранних поэтических опытов — басен, эпиграмм, импровизованных комедий (так как они в значительной своей части были еще, повидимому, плодами устного творчества поэта-ребенка), считая условно тетрадь противоправительственных стихотворений 1820 года (называемую обычно „тетрадью Милорадовича“) за один опус, обозначая условно „пропасть“ эпиграмм (1825 г.?) также за одно сочинение, — получаем довольно внушительную цифру: тридцать два произведения. На самом деле утерянных произведений Пушкина было значительно больше: не менее пятидесяти-шестидесяти. Из них по меньшей мере пятнадцать искать можно и должно.³

все тексты, ходившие под именем Пушкина в печати и в рукописных сборниках. Им было собрано свыше трехсот таких псевдопушкинских стихотворений; я тщетно искала среди этих текстов вышеназванные не дошедшие до нас стихотворения Пушкина; обнаружить их мне не удалось.

¹ См. догадки о них М. А. Цявловского в книге „Рассказы о Пушкине...“ (стр. 91—94), а также в его „Заметках о Пушкине“ в „Звеньях“, кн. 6, 1936, стр. 155.

² Попытки Д. Д. Благого доказать, что эти четыре стиха заканчивали знаменитого „Пророка“ Пушкина, не кажутся нам убедительными. Не вступая в полемику со всей его аргументацией, сделаем основное с нашей точки зрения возражение. Д. Д. Благой хочет заставить нас поверить в то, что пушкинский пророк, непосредственно после пребывания своего в „библейской“ по своему пейзажу воображаемой пустыне, попадает вдруг в определенные топографические условия, превращается в „пророка России“, облачается в одежду висельника и направляется в Зимний дворец к императору Николаю I для беседы! Убедить нас в том, что великий поэт мог создать такую картину, лишенную элементарного чувства художественного целого, не сможет даже большинство голосов, на которые ссылается исследователь (см.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М.—Л., 1950, стр. 535—540 и 579). Приходится, повидимому, признать, что в настоящее время находящиеся в нашем распоряжении данные об этом загадочном стихотворении Пушкина не дают еще возможности прийти к какому-либо согласованному решению.

³ Извлекаемая из I тома „Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина“ данные об утраченных произведениях поэта, мы не касались его писем. Это — особая тема, разработанная Б. Л. Модзалевским, который насчитывал пятьдесят двух корреспондентов Пушкина, не сохранивших — полностью или частично — адресованных к ним писем поэта; по мнению Б. Л. Модзалевского, заявленному в категорической

Не предвосхищая результатов общего подсчета утраченных произведений Пушкина, который можно будет произвести заново после выхода в свет II и III томов „Летописи“, назовем здесь лишь два произведения, напоминающие о которых нет нужды откладывать. Таковы стихотворение „Прощание с молодостью“, читанное поэтом на его „мальчишнике“ перед свадьбой, и восьмая глава „Евгения Онегина“.

О „Прощании с молодостью“ мы узнаем от П. И. Бартенева, который несколько раз делал записи об этом стихотворении на основании воспоминаний, сообщенных ему друзьями Пушкина. В записи Бартенева, сделанной со слов И. В. Киреевского, читаем: „Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник... Собралось обедать человек 10, в том числе были Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется, Елагин (Алексей Андреевич) и пасынок его Иван Васильевич Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко. Он читал свои стихи прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати“.¹

Другой раз Бартенева сказал несколько больше об этом утраченном произведении Пушкина: „Необходимо разыскать... прощание с молодостью и покаяние в грехах ее, которое Пушкин читал накануне своей свадьбы, на так называемом *мальчишнике* и про которые живо вспоминал один из слушателей, И. В. Киреевский“.²

Искать эти стихи можно и должно — прежде всего в архивах названных лиц, бывших участниками „мальчишника“ Пушкина.

Перейдем к важнейшей утрате — к восьмой главе „Евгения Онегина“ (по первоначальному счету глав), часть которой нам известна в виде „Путешествия Онегина“. В 1940 году обнаружен был исключительного значения документ,³ в котором мы находим важное и очень

форме, „не подлежит никакому сомнению, что из обширной переписки Пушкина дошла до нас, увы! лишь ничтожная часть“ (Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. I, М.—Л., 1926, стр. XXXVI—XL).

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. 1925, стр. 53. — В примечании к этому тексту М. А. Цявловский, на основании других источников, добавляет к названным гостям Пушкина — Вяземского, Дениса Давыдова и брата поэта, Льва Сергеевича Пушкина. Сомневаясь в знакомстве Пушкина с композитором Варламовым, комментатор высказывает предположение, что имя это следует заменить именем композитора А. Н. Верстовского.

² „Русский архив“, 1904, № 1, обложка, стр. 3. — И. В. Киреевский умер в 1856 году, поэтому приведенные строки, опубликованные Бартевым почти пятьдесят лет спустя по воспоминаниям, не могут иметь той документальной ценности, какую представляет собой запись 1853 года, сделанная, вероятно, непосредственно после беседы с Киреевским. Иначе говоря, свидетельство Бартенева о том, что „Прощание“ Пушкина содержало в себе также „покаяние в грехах молодости“, может быть, и прибавлено Бартевым от себя; как видно из первой его записи, И. В. Киреевский об этом не упоминал.

³ П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве А. С. Пушкина. „Литературный критик“, 1940, № 7—8, стр. 231.

авторитетное свидетельство об этой неизвестной главе пушкинского романа. Напомнить об этом документе приходится потому, что, несмотря на его публикацию в общем журнале и на двукратное воспроизведение его текста в печати,¹ он еще недостаточно известен читателям; даже книга справочного характера, специально посвященная итогам изучения „Евгения Онегина“,² прошла мимо этого документа, являющегося, без преувеличения, одним из ключей к пониманию центрального поэтического произведения поэта.

Речь идет о письме П. А. Катенина, написанном незадолго до его смерти к П. В. Анненкову по просьбе последнего, запрашивавшего у Катенина разъяснения относительно загадочных слов Пушкина, находящихся во вводной заметке к так называемым „Отрывкам из путешествия Онегина“.

Как известно, Пушкин поместил в этой своей вводной заметке следующие слова, в которых был упомянут П. А. Катенин:

„Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России..

„П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики“ (VI, 197).

Последние слова в приведенной цитате заключают в себе важный намек (на причины исключения поэтом восьмой главы из полного текста „Евгения Онегина“), смысл которого Анненков разгадать не мог, но который заинтриговал его в сильной степени. К кому же, как не к самому П. А. Катенину, мог Анненков адресоваться за истолкованием загадочных слов Пушкина — о „важных причинах“, заставивших его отказаться от публикации восьмой главы „Онегина“? Упоминание Пушкиным Катенина в предшествующих строках давало повод предположить, что Катенин читал в рукописи впоследствии опущенные строфы романа или знал о них из уст самого Пушкина. К счастью, Катенин в это время был еще жив и откликнулся письмом к Анненкову.

¹ М. А. Цявловский. Пушкиниана в 1940 году. „Литературное обозрение“, 1941, № 5, стр. 7; М. А. Цявловский. Советское пушкиноведение. „Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции“, ч. II, Изд. Академии Наук СССР, 1947, стр. 802—803.

² Н. Л. Бродский. „Евгений Онегин“. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Издание третье, переработанное, М., 1950. — Этот документ оказался так же вне внимания редакторов комментированного „Полного собрания сочинений А. С. Пушкина“ в шести томах (Общая редакция Д. Д. Благого и С. М. Петрова, Гослитиздат, М., 1949—1950. Том третий. Евгений Онегин. Сказки. Драматургия. 1950. Примечания к „Евгению Онегину“ С. М. Петрова).

Это письмо Катенина было написано 24 апреля 1853 года, за месяц до его смерти (умер 23 мая 1853 года). Вот что писал в нем Катенин:

„Об осьмой главе «Онегина» слышал я от покойного¹ в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани, Евгений видел *военные поселения*, заведенные гр. *Аракчеевым*, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую“.²

„В свете замечательного свидетельства Катенина, — писал М. А. Цявловский, — делается ясной связь восьмой главы с десятой, и только теперь, спустя более чем сто лет со времени выхода в свет главного произведения великого поэта, мы узнаем, наконец, какой большой социальной значимости была развернутая им «даль свободного романа». Содержание этих глав существенным образом изменяло не только композицию романа, но и его жанр... в процессе создания он превратился в роман социальный и даже историко-социальный, трактующий такую важную тему, как декабризм. Но замечательно, что, несмотря на то, что, вследствие полной невозможности провести через цензуру эту запретную тему, Пушкин принужден был урезать и выхолостить свой роман, — он и в этом обезображенном виде остался одним из самых совершенных произведений мировой литературы“.³

С. М. Бонди писал впоследствии: „Можно думать, что первоначальный объем «Евгения Онегина» предполагался в двенадцать глав или около этого. По крайней мере, когда в 1828 году была выпущена в свет отдельной книжкой шестая глава «Евгения Онегина», в конце книги было напечатано «*Конец первой части*». Если шесть глав романа составляли его первую часть, то, очевидно, предполагалась еще вторая часть — приблизительно такого же размера, то есть еще глав пять-шесть. Что же могли содержать в себе эти главы? Некоторые сведения об этом у нас есть“.⁴

На основании сохранившихся отрывков десятой главы, свидетельств М. В. Юзефовича и П. А. Катенина исследователь восстанавливает первоначальный план „Евгения Онегина“.

Напомним слова Юзефовича, который рассказывал со слов самого Пушкина: „Он объяснил нам довольно подробно всё, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов“.⁵

¹ Пушкина.

² „Литературный критик“, 1940, № 7—8, стр. 231.

³ М. А. Цявловский. Пушкиниана в 1940 году. „Литературное обозрение“, 1941, № 5, стр. 7.

⁴ С. М. Бонди. „Евгений Онегин“. Вступительная статья к отдельному изданию романа в школьной книжке библиотеке, Детгиз, М.—Л., 1947, стр. 15.

⁵ Правильно исправляет текст Юзефовича Б. В. Томашевский: „Это писано

„На основании всех этих данных, — продолжает С. М. Бонди, — первоначальный план конца «Евгения Олега» можно представить себе следующим образом. После убийства на поединке Ленского Онегин уехал из деревни и отправился путешествовать по России. Пушкин в печатном тексте романа говорит об «охоте к перемене мѣст», невольно овладевшей Олегиным, об угрызениях совести, об «окровавленной тени» друга, являющейся ему каждый день. В рукописях бывшей восьмой главы приводится и другая причина странствий Олега:

... Уж Русью только бредит он.
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой...

„Об этой внезапной вспышке патриотизма, интересе к России у Олега Пушкин говорит сначала иронически, как о какой-то новой его причуде. Но затем на протяжении восьмой главы (путешествие Олега) тон становится серьезнее, впечатления Олега углубляются. Он проехал по всей России — видел Новгород, Москву, Нижний, всю Волгу до Астрахани, оттуда отправился на Кавказ, а затем в Крым и, наконец, в Одессу. Он видел волжских бурлаков, слушал их песни

Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин встарину
Кровавил волжскую волну.

„Он видел новгородские военные поселения, и, надо думать, они произвели на него сильнейшее впечатление. Та тоска, которая сопровождала его во всё время путешествия, приобретает новый смысл: в ней начинают чувствоваться объективные причины социального и даже политического характера. Путешествие по России должно было очень много дать Олегу: он освободился от своей несколько романтической влюбленности в «святую Русь» и стал серьезнее и глубже. Нельзя еще сказать, чтобы общественные вопросы его захватили, чтобы он вышел за пределы своего личного эгоизма, но кое-что в его душе, очевидно, сдвинулось“.¹

Итак, не одна лишь сожженная десятая глава была бы для нас важнейшим приобретением! Восьмая глава была бы не менее важной

через 50 лет (в июле 1880 года) и слово «или» следует понимать как указание на неотчетливость воспоминаний Юзефовича. Пушкин, возможно, рассказывал, что Онегин в результате событий 1825 года попадает на Кавказ, где и погибает“ (Б. В. Томашевский. Примечания к „Евгению Онегу“. Полное собрание сочинений Пушкина в десяти томах, т. V, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 59.).

¹ С. М. Бонди, указ. статья, стр. 16—18.

для понимания всего замысла Пушкина в целом. Пушкин заставил Онегина путешествовать по России для того, чтобы показать читателю (как когда-то в „Деревне“) „вечную красу“ русской природы и ужасы русской социальной действительности мрачайших времен царизма. „Тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования“. Эти строфы должны были быть бесценными сокровищами. Великий поэт, в зените своего творчества, клеймил страшные язвы николаевского режима в совершенных, точеных афоризмах четырехстиший и двустиший онегинской строфы.

Недаром добивался Погодин после смерти Пушкина в письме к Вяземскому от 11 марта 1837 года: „цела ли «Русалка»... «Пророк», 8 песнь «Онегина»“.¹

Мы имеем основания считать, что потеря восьмой главы „Евгения Онегина“ не безнадежна. Необходимо тщательно пересмотреть все рукописные копии „Евгения Онегина“ (они сохранились в огромном количестве) в архивах и в частных руках для того, чтобы установить, не найдется ли где-либо не обычный список, сделанный с печатного текста, а такой, который скопирован был с полного текста романа, как он был написан великим поэтом. Для того, чтобы обеспечить возможность счастливой находки, необходимо, думается нам, осуществить систематический просмотр всех дошедших до нас списков „Евгения Онегина“, находящихся в различных городах нашей страны, и помимо Москвы и Ленинграда. Вспомним по этому поводу, что поэма Пушкина „Вадим“ обнаружена в полном виде через 120 лет после ее написания — в Смоленском областном архиве. Уместно напомнить здесь также и о том, что в числе дошедших до нас рукописных копий „Бахчисарайского фонтана“, в большей своей части восходящих к общеизвестному печатному тексту поэмы, есть и такие списки, которые восходят к автографу Пушкина как к своему первоисточнику и удерживают, в частности, стих 66 в подлинном виде, без его цензурного искажения.

Особое значение придаем мы систематичности в поисках подобного рода, для которых у исследователей Пушкина имеются в настоящее время наилучшие возможности; в противном случае счастливых находок и открытий, — всё еще, повторяю, возможных, — придется ждать, может быть, еще долгие годы.

Кроме вышеуказанных произведений Пушкина, в далеко еще не полностью изученных государственных и частных хранилищах архивных документов могут открыться и другие ценнейшие памятники русской литературы и культуры.

¹ А. С. Пушкин. Сочинения и письма. Под редакцией П. О. Морозова, т. II, изд. „Просвещение“, СПб., 1903, стр. 500. Здесь напечатано — явно ошибочно — 8 песен „Онегина“. Исправлено по автографу ИРЛИ (Ф. 244, оп. 8, № 93, л. 6 об.).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

III У III Ю III И
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ТРУДЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕСОЮЗНОЙ
ПУШКИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1953 - ЛЕНИНГРАД